

О Л Ь Г А Р У Б И Н

ИТЯ НА КОНУ

решение как приговор

18+

Ольга Рубин
Имя на кону

«Автор»

2026

Рубин О.

Имя на кону / О. Рубин — «Автор», 2026

Развал СССР ставит крест на карьере боксера-тяжеловеса Валеры «Пирата». Оказавшись вне ринга, он начинает решать вопросы на улицах, но по своим правилам: возвращает долги по справедливости и жестко ставит на место тех, кто промышляет беспределом. В городе, где прежний мир развалился, его слово быстро становится законом. Всё меняется после стычки в ресторане «Интурист». Защищаясь, Валера в одиночку калечит толпу нападавших дагестанцев из криминального клана. Потеряв лицо, враги нарушают главное табу: они открыто угрожают его жене и маленькому сыну. Чтобы защитить родных, у Пирата есть всего одна ночь. Он бьет на опережение, запуская лавину, которую уже не остановить. Против одного человека встанет не просто обиженный клан, а вся государственная машина: УБОП, выбитые пытками показания, предательство друзей и судебная война на истощение. В основе книги — реальные события. Из соображений безопасности имена и география изменены.

© Рубин О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Точка излома.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ольга Рубин

Имя на кону

Глава 1. Точка излома.

— Кажется, мы его сейчас потеряем Срочно врача зови! Откачивать надо!

Голос пробился сквозь плотный вакуум, словно шёл сквозь толщу грязной воды.

Валера «Пират» слышал его со стороны. Из участника этой бойни он превратился в стороннего наблюдателя. Сознание медленно уходило на глубину. Эта тёмная, тяжёлая толща стала его естественным щитом: она бережно укутала разум, глушила чужие крики и надёжно отрезала Валеру от собственного растерзанного тела.

Валера сидел в облупленном кабинете спецздания УБОПа. Время в этих стенах давно потеряло счёт — дни, недели, месяцы слились в один бесконечный допрос. Трое оперов тяжело дыша, стояли над ним и трясли за плечи. Даже обмякший, с упавшей на грудь головой, Пират со своими метром девяносто и разлётом тяжёлых плеч был физически крупнее любого из них. Опера судорожно прикрывали показной жестокостью свой животный, инстинктивный страх перед этим запертым в железо хищником. Руки Валеры были вывернуты за спинку стула и туго зажаты наручниками. Из-за неестественного положения кисти страшно отекали, налились тёмной кровью; казалось, ледяной металл под весом скованных рук уже прорезал мясо и упёрся прямо в кость.

Секунду назад лёгкие Валеры буквально разрывались от нехватки кислорода. Противогаз был для него худшей, самой изошрённой агонией. Когда влажная резиновая маска намертво облепила лицо, а опер тяжёлой ладонью зажал клапан снизу, внутри начался ад. Руки дёрнулись в железе, чтобы переломать им всем хребты, порвать этих оперов прямо здесь в клочья. Но наручники держали намертво. Сердце готово было выскочить через рёбра, в висках молотили тяжёлые кувалды, а животный страх задохнуться кричал в каждой клетке.

«Пальцы. Лучше пусть рубят пальцы. По одному. Я выдержу. Только не это», — мысль вспыхнула где-то в глубине, минуя волю, и Валера сам испугался её больше, чем удушья. Признать вслух хотя бы себе, что есть на свете способ хуже, чем перелом или нож, — означало отдать им последнее, что у него осталось.

Менты знали, что Валера никогда в жизни не курил и вонючий сигаретный дым презирал. Поэтому, когда Валера, доведённый до крайней точки удушья, делал первый судорожный вдох — они подносили к открытому входному клапану противогаза плотно зажатую, разом подождённую пачку «Примы». Все двадцать сигарет одновременно.

Вынужденный вдох, и лёгкие тут же обжигало концентрированным, ядовитым дёгтем. Воздуха не было, в глазах лопались сосуды, мир сужался до размеров резиновой маски. От этого Пират задыхался и захлёбывался собственным разрывающим кашлем. Там, за резиновой маской, уже не осталось мыслей — лишь одна зацикленная фраза, которую он вбивал в себя с каждым ударом пульса: *«Нужно еще чуть потерпеть, еще чуть-чуть»*.

И вот когда лёгкие отказались принимать яд, разуму Валеры стало тесно в этом кабинете. Сознание просто улетело. Он увидел, как летит с высокой горы, а потом плавно скользит над бескрайним морем. Вода была пронзительно-синей, холодные брызги летели прямо в лицо, слева сочно зеленели берега. В этом полёте не было боли, только чистый, абсолютный кайф. Где-то на самом дне этого покоя шевельнулась трезвая, спокойная мысль: «Вот так, наверное, и умирают. Легко». И сразу следом злость на самого себя за то, что эта лёгкость показалась почти желанной. Не сейчас и не от их рук.

Пират обмяк окончательно, голова упала на грудь, а из-под резиновой маски донеслось лишь тихое бульканье. Увидев это, опера перепугались, что на этот раз перегнули палку.

В этот момент от стены отделился мужчина средних лет, которого другие называли «Колесо». Под два метра ростом и весом глубоко за сто пятьдесят килограммов. Тяжёлые складки на затылке наплывали на воротник рубашки, огромный живот нависал над ремнём. Передвигался он с тяжёлой, вязкой одышкой. Но за этой бесформенной массой скрывалась холодная, методичная жестокость гидравлического пресса. Вблизи его лицо казалось обманчиво мягким, даже благообразным — плотный, гладко выбритый овал, аккуратная чиновничья стрижка с ранней сединой на висках. Такой мог бы руководить районной администрацией, если бы не глаза. Маленькие, глубоко посаженные, они смотрели тускло и абсолютно мёртво, с той профессиональной сытостью, которая бывает только у мясников на разделочном столе.

Колесо грузно сделал шаг вперёд, перекрывая свет одиночной лампы. От этого половицы обшарпанного пола жалобно скрипнули. Не глядя, выбросил ладонь назад — опера осеклись на полуслове. Он наклонился к Пирату и несколько секунд стоял не шевелясь.

— Он не дышит! Снимай маску, быстро! — придушенно, на грани истерики заорал Колесо.

Один из оперов сдёрнул скользкую резину с головы Валеры, второй сорвался с места и распахнул дверь в коридор:

— Доктора сюда! Бегом!

Под сорванной маской открылось серое лицо. Старые шрамы, рассекавшие бровь и удивившие под скулу, отчётливо побелели на коже. Лёгкие Валеры тут же обожгло сыростью кабинета. Но в сознание он не пришёл — так и остался сидеть, бледный, с синюшным оттенком вокруг губ.

Замок на медицинском чемоданчике сухо щёлкнул. Дежурный врач, зашедший в кабинет, хладнокровно посмотрел на Пирата. Для медика арестант был не человеком, а просто куском проблемного мяса, который нужно заштопать, чтобы не портить показатели. Врач выполнял сугубо техническую функцию: поддерживал теплящуюся жизнь, чтобы допрос мог продолжаться дальше без трупов в его смену.

Врач подошёл к неподвижному телу, положил пальцы на сонную артерию, замеряя нитевидный пульс.

— Ну, что, живой? — буркнул Колесо. Его огромная туша нависла над Валерой, перекрывая свет одиночной лампы. На лбу у убоповца выступили крупные капли пота.

— Живой, — медик грубо приподнял Валере веки, проверяя реакцию зрачков на свет. — Ещё б чуть-чуть, и потеряли бы.

Врач взял смоченную нашатырем ватку и резко сунул её к носу Валеры. Резкий удар аммиака вернул Пирата концентрированной вспышкой боли назад, в этот проклятый кабинет с облупленной масляной краской на стенах.

Валера распахнул глаза. Пронзительно-голубые глаза горели такой дикой, ослепляющей яростью, что опера невольно сделали полшага назад. И вместе с яростью наружу вырвалось то, что он только что не успел додумать там, в полёте над морем: если ему всё равно суждено однажды не вернуться из этого отлёта — пусть это случится здесь и сейчас, по его воле, а не по их.

Рванувшись вперёд всем корпусом, насколько позволяли оковы, Валера заставил стул пронзительно скрежетнуть по полу. Каждого из них он словно пригвоздил своим взглядом, запоминая их лица. А затем хрипло зарычал прямо в лицо Колесу:

— Лучше убейте меня! Слышишь?! Прямо здесь добейте! Потому что я вам ничего не подпишу. А когда выйду — я вас всех из-под земли достану и уничтожу!

В ту секунду он действительно хотел, чтобы они это сделали — потому что смерть на его условиях была единственным, что они уже не могли у него отнять.

Колесо наклонился к самому его лицу. Его подбородок затрясся, шея и лицо мгновенно стали багровыми, а из горла вырвался тяжёлый, сил্পый хрип:

— Из-под земли, говоришь?! Ты сначала отсюда вышагни, боксёр! Снова в отказ?! — он тяжело навис над Валерой и рывкнул прямо в лицо: — Мне пришёл чёткий приказ: выдать им твоё признание! А приказы сверху я всегда выполняю, Пират! Любой ценой! Подписывай, не мотай мне нервы!

— Пошёл ты, — процедил Валера сквозь зубы.

Короткий кивок Колеса операм и на Валеру обрушился град методичных ударов. Били по почкам, под дых, вышибая из лёгких остатки воздуха, но стараясь не оставлять явных следов на лице. Пират насквозь прокусил изнутри собственную губу — кровь снаружи, значит останутся, вызовут врача, дадут передышку. Рот мгновенно залило горячей, солоноватой кровью, которая густой струёй хлынула по подбородку на грудь.

— Стоять! — гаркнул Колесо, заметив красные потёки. Из-за резкого крика он шумно втянул воздух сквозь толстые губы. — Док, глянь, что там? Пациент твой фонтанирует.

Врач лениво подошёл, грубо оттянул окровавленную губу Валеры, посмотрел на сочащуюся рану и равнодушно бросил оперативникам:

— Кровь наружная. Сам себе губу раскусил, симулянт. Внутреннего кровотечения нет, лёгкие целы. Продолжайте работать, противопоказаний нет.

«Зря», — рассердился Валера и сплюнул кровь на цемент.

Видя, что арестант идёт в глухую несознанку, Колесо достал сигарету толстыми пальцами, закурил и выдохнул дым прямо в лицо Валере. Тот даже не шевельнулся, только хрипло, надрывно закашлялся, ловя ртом чистый воздух.

Когда приступ прошёл, убоповец сказал — без злости, почти буднично:

— Вова твой в третьем кабинете сидит. Часа два уже. И жену его привезли.

Что-то резануло — глубоко, туда, куда кулаки убоповцев достать не могли. Валера не отвёл взгляда, только желваки туго прошлились под кожей.

Колесо этот жест поймал. Он медленно, не торопясь, снова затянулся, глядя на Валеру в упор, и тонко, неприятно улыбнулся.

— Он же у тебя чистый коммерс, Пират. Парень интеллигентный, подвала ни разу в жизни не видел. Я таких насквозь знаю: гордости хватает ровно на первые двадцать минут, пока до них не дойдёт, что здоровье дороже. Твой Вова через полчаса начнёт так подробно давать показания, что опера записывать не будут успевать. Развалит твоё алиби, закопает и себя, и тебя.

Колесо замолчал, внимательно изучая лицо Валеры. Стряхнул пепел прямо на пол.

— Ладно Вова. Но девка его? Симпатичная, ухоженная. Она там в коридоре от одного звука пролетающих ключей вздрагивает, её всю трясёт. Вот я и думаю, Пират начать оформлять Вову, или запереть их в одном кабинете и поработать с ней у него на глазах? Чтобы он быстрее соображал.

Это ударило наотмашь. Валера смотрел на него, не моргая, но что-то резко сжалось под рёбрами. В этом подвале законов не существовало. Здесь ради показателей были готовы на всё.

Перед глазами мгновенно встало лицо собственной жены. Они ведь могли привезти её.

«Нет. Стоп».

В кабинете повисла такая тишина, что было слышно, как тлеет табак в сигарете Колеса.

— Ничего не знаю. Не было меня там, — Валера выдавил слова сквозь зубы, удерживая лицо.

Колесо долго смотрел на него — с тем профессиональным, клиническим интересом человека, который всю жизнь ищет и обычно находит в людях точку разлома. Не дождался.

Что-то в лице Колеса изменилось, потухло. Вся язвительная вальяжность слетела в один миг. Он отступил на шаг от Валеры, швырнул окурок в угол и начал медленно закатывать рукава гражданской рубашки.

— Разрываем пассажира, — коротко кивнул оперу у двери, разминая свои массивные пальцы. — Зови ребят из дежурки.

Самый низкий из оперов сорвался с места и через три минуты вернулся с подкреплением. Без лишних слов они навалились всем скопом. Восемь человек одновременно вцепились в Валеру, сорвали со стула и впечатали в бетонный пол лицом вниз. Тело Пирата жёстко разрывали в разные стороны: тянули руки и ноги, один — до опасного хруста в шее заламывал назад голову, а кто-то даже яйца выкрутил.

Боль стояла запредельная, но спасительное забытие почему-то не приходило, заставляя проживать каждую секунду этого ада.

«Нужно еще чуть-чуть потерпеть. Еще немного» — начал уговаривать себя Пират.

Эти мысли прервал Колесо. Тяжёло переваливаясь с ноги на ногу, он подошёл ближе, шумно выдохнул и перенес на него все сто пятьдесят килограммов своего рыхлого веса.

Внутренние органы сдавило мгновенно. Валера почувствовал, как бетонный пол вдавливается в его грудную клетку, а ребра выгибаются до предела. Ощущение, что тебя переехали танком. Колесо проделывал это десятки раз и точно знал, куда именно давить, чтобы удерживать человека на самой грани болевого шока, не ломая костей и не оставляя труп в кабинете. Это медленное, душающее давление веса стало последней каплей. Тело сдалось.

Разум, спасая Валеру от смертельного шока, просто заблокировал реальность. Мир вокруг начал плавиться, как старая киноплёнка, краска на облупленных стенах потекла вниз, обнажая сквозь трещины тёплый солнечный свет. Пират снова улетал. В этот раз его сознание перенеслось на залитый мягким солнцем чердак старого дома. Чердак густо пах сеном, пылью и сухим деревом — и это был лучший, самый безопасный запах на свете. Там, между банками с маминым вареньем и старыми ящиками с картошкой, он лежал на спине и беззвучно смеялся — как в детстве, когда сбежал из садика и спрятался здесь, пока весь двор стоял на ушах. Тогда не нашли. И сейчас пусть ищут. Прямо сейчас до него им всё равно не добраться.

Безопасную тишину чердака разорвал резкий, до слёз, запах нашатыря и частые, хлёсткие удары по щекам. Реальность не вернулась — Валера просто вывалился в глухую, тёмную пустоту, куда едва пробивались голоса, сливающиеся в какой-то шум.

— Э, сдох, что ли? — донёсся откуда-то сверху голос опера.

— Да нет, пульс есть, — отозвался Док, выбрасывая нашатырную ватку. — Просто вырубился окончательно, бесполезно теперь.

Колесо в этот момент тяжело отошёл к окну, утирая со лба пот широким рукавом и хрипло сипя от одышки.

— Всё на сегодня. Тащите его в камеру.

Двое оперов подхватили обмякшее тело подмышки и поволокли по цементу коридора.

— Тяжёлый, кабан — сипло ворчал тот, что справа, перехватывая Валеру поудобнее. — Зря вырубил его, а теперь нам мучиться с этой тушей. Скорее бы дотащить!

Валера приходил в себя рывками. Сознание возвращалось тяжело, через подступающую к горлу тошноту. Когда он наконец разлепил веки, оперов рядом уже не было, а руки больше не стягивали наручники.

Его притащили во временную камеру спецздания УБОПа — глухой бетонный бокс без окон и туалета. Валера лежал на жестких, холодных досках единственной скамьи, стоявшей вдоль стены.

Мир вокруг постепенно обретал резкость. Каждое движение и глубокий вдох отзывались тупой, разрывающей болью в отбитой спине. Прокушенная изнутри губа сильно набухла, во рту застыл густой, металлический привкус запекшейся крови. Сил не было даже на то, чтобы

повернуть голову, но внутри, вопреки разбитому телу, билась одна короткая мысль: «Не дожде-тесь».

Валера потерял счёт времени. Сколько он уже здесь — несколько часов или несколько дней? Удивительно, но парализующий ужас первых допросов исчез. На его место пришло странное, холодное спокойствие. Он вдруг понял то, во что обычный человек никогда бы не поверил: ко всему привыкаешь. Даже к пыткам. Разум просто выстраивает глухую стену, отодвигая боль куда-то на задворки. После пережитого ада просто лежать на жёстких досках, пока тебя никто не трогает, было абсолютным счастьем. Но расслабиться не получалось — покой могли нарушить в любую секунду, и всё началось бы по новой.

Тишину прервал резкий скрежет засова. Дверь распахнулась.

— На выход, Пират, — грубо приказал вертухай. — Давай, шевелись быстрее, пора обратно ехать.

«Вот теперь можно выдохнуть», — подумал Валера. Окрик вертухая означал главное — его возвращают на централ. Пресс закончился.

Он вышел из проклятого здания на полусогнутых, неслушающихся ногах. Во внутреннем дворе его швырнули в кузов спецавтомобиля. Руки снова были жёстко стянуты за спиной стальными браслетами. Обрато на централ Пирата везла «Альфа» — как особо опасного. Пятеро бойцов в шлемах и масках сидели напротив под жёлтым светом лампы, укрытой защитной металлической решёткой, и молча всматривались в него.

Эти ребята знали, как работает УБОП. Они привыкли возить из подвалов людей с пустыми, потухшими глазами, которые безразлично смотрели в пол и безропотно ждали конца этапа. Но Пират, хоть и истощённый, в синяках, со скованными руками, держал спину. Он не прятал лицо, а смотрел им прямо в глаза своим пронзительным взглядом.

В машине было сыро. Валера упустил момент, когда бахнули первые зимние заморозки — его слишком долго держали в полной изоляции, без связи и передач. На нём так и осталась та лёгкая ветровка, в которой его приняли в начале осени, когда ещё стояло тепло. В неподвижности избитые мышцы начало сводить от холода, а кисти полностью потеряли чувствительность. На каждом ухабе тело прошивала резкая боль, но Валера упрямо стискивал челюсти, заставляя себя сидеть прямо и не заваливаться на бок.

Машина замерла у ворот централа. Двери распахнулись, впусив ледяной ночной воздух. Когда один из бойцов рванул Валеру за плечо, помогая подняться на затёкших ногах, он на секунду оказался к нему ближе остальных. Втихаря от других альфовцев быстро натянул свою зимнюю шапку на его разбитую голову.

Валера замер на долю секунды. От неожиданного физического тепла зажатые мышцы шеи непроизвольно отпустили. Он обернулся и беззвучно, одними губами выдавил «спасибо». Боец в маске ничего не ответил, лишь слегка толкнул вперёд, сдавая местным надзирателям.

Пока оформляли документы, Пират стоял, привалившись к холодной стене централа. Вертухай за стойкой был уже не в безликом чёрном — советская форма, тёмно-синий китель, фуражка с кокардой, на погонах жёлтым «міліція». И слышал приглушённые голоса:

— Опять Пирата привезли, — тихо буркнул один. — Ну что там? Подписал?

— Какое там «подписал» — отозвался второй, сплёвывая на землю. — В глухом отказе. Документы чистые пришли. Я вообще не знаю, как он вывез. Ты же знаешь, какой там убоповский пресс, людей наизнанку выкручивают. Сколько через их отдел народу прошло — ломались все до единого, любые бумаги подписывали, лишь бы это прекратилось. А этот хрен его знает, из чего он сделан. Железный какой-то.

— Принимаем Пирата обратно. Живой?

— Живой. Куда он денется. Давай роспись в журнале.

Его забирали как вещь со склада и возвращали точно так же — по накладной.

Тяжёлые берцы вертухаев шуршали по коридору. Валера шёл сам, упрямо держа спину мимо глухих дверей. Железная дверь со скрежетом покатила по пазам.

— Заходи.

Дверь захлопнулась с глухим стуком.

Тишину камеры нарушал только удаляющийся скрип берцев. Трое сокамерников молча, со смесью тяжёлого сочувствия и уважения уставились на избитого Валеру. На центральной его имя уже обросло легендами. Все знали, через какой ад его гоняют — и знали главное: Пират не сдаёт назад. В их взглядах не было жалости — только признание силы и немой вопрос: «Как он держится?» Внутри каждого сидел стыд: все они прошли через этот подвал и под пытками всё же подписали бумаги о своей вине.

Один из арестантов, крепкий мужчина со шрамом на руке, тихо поднялся со шконки. Взял личную кружку Валеры, бережно налил из закопчённой банки крепко заваренный чифир — густой, чёрный, почти дёгтем. Заварили, как только пришёл слух, что везут.

— На, хлебни, Пират, — негромко сказал он, протягивая кружку.

Валера остался стоять у двери, прислонившись спиной к косяку. Он медленно взял кружку, сделал один короткий глоток, омывая разбитый рот, и вернул её обратно.

— Спасибо, — хрипло ответил он.

Его шатало. Сделав пару шагов к своей шконке, он невольно зацепил взглядом кусок кафельной плитки в углу хаты — начищенной до почти зеркального блеска. Валера замер, глядя в своё расплывшееся отражение под жёлтым светом одиночной лампы.

Сокатерники видели в нём скалу — несломленного идола, который выжил там, где ломались все и сломались они сами. Но сам Валера в этом отражении столкнулся с чужим, неузнаваемым лицом. Раздутая губа, темные синяки под глазами — это было просто помятое мясо, которое со временем заживёт. Но из глубины зрачков на него смотрело что-то чужое. Пират сильно сжал челюсти. В подвале Колесо думал, что выбивает признание ради приказов «сверху» или денег. Менты были уверены, что бьют за протоколы. Валера запомнил их лица, но не они сейчас вызывали в нём эту удушливую, ослепляющую ярость.

Он смотрел на своё разбитое лицо в плитке и видел тех, из-за кого оказался здесь. Дагестанцы. И в первую очередь — Умар. Те самые, кого он когда-то пожалел, приблизил к себе, кому лично жал руки. Те самые, кто теперь сдал его упырям из УБОПа и подставил под удар его семью.

Глубокий прокус надулся плотным валиком, изнутри снова пошла солоноватая кровь, спину ломило, но злость была сильнее боли. Жалости внутри больше не осталось. Только одна чистая мысль: выйти отсюда любой ценой. Найти их и исправить всё. На этот раз — без пощады.

Голова гудела, мысли о пережитом мешали соображать. Чтобы вытряхнуть из себя этот душный ментовский морок, вернуть способность к холодному расчёту, Валере нужно было срочно вернуть власть над собственным телом. Доказать мышцам, что хозяин здесь по-прежнему он.

Валера выждал минут двадцать, пока утихнет боль при дыхании. Затем медленно, стараясь не кривиться от резкой боли в пояснице, опустился прямо на холодный цементный пол. Никаких шконок. Для Пирата отдых сейчас означал бы признать, что они его сломали.

Он принял упор лёжа. Руки дрожали, упираясь в бетон, а отбитые Колесом мышцы спины свело такой жесткой судорогой, будто их туго стянули стальными тросами. Он попытался сделать первое движение вверх, но в пояснице будто взорвалась граната. Руки мгновенно подогнулись, и Валера рухнул лицом прямо на холодный цемент, тяжело и шумно глотая ртом тюремную пыль.

В камере повисла натянутая тишина. Тот, что был ближе к Пирату, дёрнулся было вперёд, чтобы помочь, протянув руку. Но Валера, не поднимая головы, сипло прохрипел:

— Не надо. Назад уйди.

Сокамерники замерли. Несколько минут в хате было слышно только его тяжелое, неровное дыхание.

Сжав зубы, Валера медленно, сантиметр за сантиметром, снова поднял тело в упор. Лоб начал покрываться липким потом.

«Один», — отсчитал он про себя. Мышцы спины рвало в клочья. Капли тяжело потекли к бровям.

«Два». Кровь мощно ударила в виски.

«Три». В перепонках тяжело, часто застучал пульс. Этот ровный, давящий ритм забивал все остальные звуки. Тук. Тук. Тук.

«Четыре». Каждое движение шло через адскую боль в раздавленной пояснице. Но Валера упрямо цеплялся за внутренний счет, подстраивая его под удары сердца.

«Пять».

«Шееесть».

На седьмом повторении руки крупно, неуправляемо задрожали. Валера замер на полусогнутых локтях. В глазах потемнело, серый тюремный бетон под лицом смазлся в грязное пятно. Пульс в ушах колотил сплошным, бешеным гулом, и сквозь этот ритм в сознании вдруг отчетливо прорезался хриплый ор тренера:

— Давай, Пират! Ещё два! Слышишь?! Дожимай!

С разбитой брови сорвалась тяжёлая капля пота и ударила в сухой цемент, оставив круглый тёмный след. Валера уставился в эту точку. Мышцы спины, раздавленные весом Колеса, горели огнём. За спиной повисла натянутая тишина — трое сокамерников молча следили за ним, не решаясь подойти.

«Вооосемь». Спертый запах тюремной параша и сырости на секунду перебило чем-то терпким, сухим и пыльным.

«Дееевять». Он завис над пятном пота. *«Всё, предел Или нет?»* — мелькнуло в голове и он заставил себя сделать еще раз.

«Дееееесять». Резкий толчок вверх. Сознание окончательно переключилось. Серый цемент перед глазами лопнул, превращаясь в тугой, пробитый сотнями кроссовок деревянный настил. Валера упал на него грудью, тяжело хрипя, а над головой ударил голос, и чьи-то жесткие ладони захлопали его по мокрым щекам:

— Хорошо лежать, Пират! Вставай, дома отлежишься!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.